Рассказы от первого лица

16+

Анастасия Графеева

Анастасия Графеева

Рассказы от первого лица

«Автор»

2018

Графеева А.

Рассказы от первого лица / А. Графеева — «Автор», 2018

Рассказы от первого лица – это восемь историй очень разных людей. Людей одиноких, непонятых, уставших. Они призваны объединять свои судьбы узами родства и любви. Они еще могут стать счастливыми. Им нужно только протянуть руку, открыть глаза, открыть свои сердца.

© Графеева А., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Здравствуй, Катя! 5
Твое плечо, мои печеньки 9
Пыльно, душно, но ждать можно 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Анастасия Графеева
Рассказы от первого лица

Здравствуй, Катя!

Недавно я пережил любовь. В тот день, когда она ушла, шел дождь. Лил с самого утра, не переставая. И я остался один, более уставший и опустошенный чем обычно. Я жил на работе, ел что попало, много думал, но так ничего и не понял. И решил жить дальше. «Живи как все, не усложняй» – говорила мне Маша, будто завещала на прощанье. А как все? – думаю я. Кто научит?

И в первый солнечный день после тех дождливых, на обеденном перерыве я забрел в какой-то дворик. Сижу на лавке, задумчиво жую бутерброд. А вокруг они, те самые «все»: мамашки с колясками, дети в песочнице, мужчины влюбленные в свои авто. И как вишенка на торте – красивая девушка гуляет с собакой. И десятки, десятки окон многоэтажных домов! Занавески, цветки в горшках, статуэтки. А за ними кухня, диван, телевизор. Такое вот однообразие окон – однообразие жизней. Вот они «все». Наверное, так и живут.

А та девушка с собакой – молодая и красивая, и думать хочется о ней, а не о «всех». А ведь она часть этого безмятежного однообразия. Просто воплощение его – скучна и предсказуема. Короткие шорты, длинные волосы, оголенные плечи. И одно из этих окон точно ее. Так ведь и у меня есть своя ниша в подобном бетонном строении – думаю я. Но я не с ними. А почему не знаю. Я за тридцать лет так к себе и не привык. У меня всегда все сложно, слишком часто больно, дилеммы, смятенье и бесконечная рефлексия.

А девушка и впрямь безумно хороша собой. И она это знает. Замечает мой взгляд, печальную улыбку и делает вид, что ей все равно. Деланно весело играет с собакой и точно ждет меня. И я тут как тут со своими любезностями. И честное слово, будь в ней хоть немного глубины и свободы, я бы с ней не смог! Я бы даже не начал. Но пара ее фраз, кокетливый взгляд из-под длинных ресниц, и уже через неделю я лежу на ее диване, смотрю ее телевизор, с удовольствием растворяюсь в заветном однообразии. Я за ее окном.

А она, тонкая и свежая, ходит по комнате, наряжается, злословит о подругах, соседях, о тех, кого мельком видит на экране. Ну и мне, конечно, достается тоже. Я бездельник, я ее не ценю, я ее не люблю. Я вяло парирую:

– Юлька, ты даже не представляешь, как я тебя люблю…

И это правда. Мне хорошо с ней. Беспорядок в ее квартире, бессмысленные долгие речи, бесконечное тявканье собаки. Все просто и душа не болит. Притяну ее к себе, приласкаю. Скажу еще приятных слов. Развяжу поясок ее халата, сделаю все, что ей так нравится. Она будет млеть и таять в моих руках, а по окончанию нахмурится, и скажет, что я испортил ей прическу. Довольная, уйдет на кухню ставить чайник.

В этой бессмысленной неге прошло мое лето. К осени Юлькины родители вернулись с дачи, а я вернулся в отчий дом. Затворил за собой дверь и погрузился в себя. Все вернулось на круги своя. Вот я, вот мир, и мы снова несовместимы. Юлька была моим проводником.

Ах да, Юлька! Она все звонит и звонит. Я не беру трубку. Поставил телефон на режим вибрации, потом совсем отключил. Дня через три вспомнил про него. Включаю – звонок. Машинально отвечаю. А из трубки:

– Ты куда пропал, придурок? – это Юлька.

Так она снова вошла в мою жизнь. Но теперь я ее не люблю. Она навязчива. Вцепилась в меня, поливает то бранью, то слезами. Нашла счастье на свою голову. Душит.

– Разве ты не счастлив со мной? – бывает спрашивает она.

– Счастлив, – отвечаю, – но я не хочу, чтобы это счастье длилось вечно. Давай заканчивать?

Она зла, недовольна мной, но не уходит. И я уходить ленюсь.

В бессмысленных спорах прошла наша осень. Скоро новый год. Я наравне с бунтующими подростками и прочими занудами не люблю этот праздник. Предпочитаю его пропустить или проспать. Или просидеть всю ночь трезвым и скучным в компании пьяных и веселых, мучая себя и злясь на других. Но Юлька, естественно, без ума от предпраздничной суеты. Подарки, прически, вкусняшки – она погружается в это с головой. Приглашает меня встретить праздник в кругу ее семьи, и мягко намекает, что это дело решенное.

И вот я мрачный, но с тортом, стряхиваю снег с ботинок у ее подъезда. А вокруг все те же окна. Во всех горит свет, во всех сегодня праздник – елка, салаты, поздравления. И это делает их однообразие еще более вопиющим, просто нестерпимо скучным. И меня оно уже не манит. Как хочу обратно в свое одиночество!

Юлька радостная, и при параде, открыла мне дверь. Взяла торт и горячо шепнула на ухо, что у нее для меня тоже есть подарок. И праздник пошел по накатанной. Ели перед телевизором, мало говорили. Ее мама хлопотала, да суетилась, застенчиво улыбаясь, все что-то бормотала себе под нос. Отец строжился на своих дам, с трудом сдерживался, чтобы много не пить – видимо, Юлька наказала. Сама Юлька была взволнованна и загадочна. В двенадцать открыли шампанское, крикнули «ура». Я собирался сделать глоток шипучего, когда Юлька шепнула мне на ухо, что беременна. Я в недоумении покосился на ее живот, потом на сияющее лицо и осушил бокал. Все расселись на свои места, и я продолжил есть салаты. Мама засобиралась подавать горячее. Юлька не сводила с меня глаз. Наконец нервно взвизгнула во всеуслышание:

– У нас будет ребенок!

Родители, конечно же, остолбенели. Через несколько секунд мать, отложив грязную посуду, вся в слезах обнимала дочь. Отец в растерянности долго жал мне руку, потом хлопал по плечу. Выждав еще немного, я отправился на балкон. Юлька за мной.

Я задумчиво курил, украдкой посматривая на ее плоский живот, и упорно молчал. Юлька переменилась с ноги на ногу.

– Замерзнешь… – я, наконец-то, нарушил молчание.

– Ты рад вообще, я не пойму? У нас ребенок будет!

– Ага… Теперь жениться?

У Юльки перехватило дыхание. Через пару секунд она пришла в себя:

– Это ты так делаешь мне предложение? – негодовала она.

– Нет. Просто спрашиваю, – пожал я плечами.

Юлька еще долго говорила. Ругалась, потом плакала, обнимала меня, вслух мечтала о будущем. А я все думал о том, что Юлька меньше всего похожа на мать, а я… Я вообще сам по себе. И вообще, имеем ли мы право?

А впереди мою ссуженную ждало сплошное разочарование и мой никому ненужный протест. Я отказался от торжества и тем самым не дал ей надеть белого платья. Мы зарегистрировали наш брак, и я переехал к ней и ее родителям. Я совсем не участвовал в ее беременной жизни – не ходил с ней на УЗИ, не сидел у монитора, выбирая часами коляску, не гладил ее живот, не массировал уставшую спину. Я уходил рано утром на работу и возвращался, когда она уже спала. Юлька, некогда мой проводник в мир людей, превратилась в тот самый мир, с которым я несовместим. Я не вмешивался в ее истерические монологи, не злился и не уходил. Не уходил, потому что был живот, который рос и рос. Неприкрытый одеждой он выглядел пугающе неестественным. Он меня не манил.

Конечно, Юльке, было тяжело. Былой красоты как не было. Что-то невероятное творилось с ее телом – оно ей больше не принадлежало. Мама стала ее единственной опорой, которая безропотно сносила все капризы и слезы дочери. Спросите, что изменилось в моей жизни?

Ничего. Я быстро научился абстрагироваться от жены за компьютером или книжкой. Я по-прежнему жил своей жизнью.

Когда Юлька уехала рожать, я был на работе. К утру родила мне дочь. Юлькина мама вернулась после ночи проведенной с дочерью в роддоме уставшая, но счастливая. Она впервые без стука вошла в нашу спальню. Я еще лежал в кровати, она села на край.

– Поздравляю – она расплылась в улыбке – у тебя родилась дочь.

Я, признаться, немного растерялся:

– Эм… как назвали?

Мама удивлено вскинула брови и ласково произнесла:

– Миленочкой.

Я кивнул.

–Разрешите я оденусь.

Она, будто опомнившись, засуетилась и вышла из комнаты. Я взял телефон, набрал Юлькин номер.

– Катей будет – холодно сказал я, как только услышал в трубке Юлькино дыхание.

– Что? – раздался уставший голос жены.

– Я сказал – мою дочь зовут Катя, поняла?

– Мы же решили… – попыталась она возразить.

– Я так решил.

Я был резок и груб, Юлька слаба, наверное, поэтому впервые она не стала спорить. И вышло по-моему. Что это было? Все тот же никому ненужный протест.

Через три дня они были дома. Катя оказалась маленьким, несуразным существом. Склонившись над пищащим кулечком, родственники и друзья наперебой спорили – на кого похожа. Сошлись на том, что похожа, все таки, на меня. Поздравляли. А я недоумевал, какое я имею к этому всему отношение? Лежит человек – новый, еще никакой. Она сама по себе, я отдельно.

Но есть и положительный момент – Юльки совсем не стало в моей жизни. Она с головой ушла в заботу о ребенке и сокрушения о потерянной молодости и красоте. А я, как и прежде, засиживался на работе, на выходных старался дома не появляться. Я не брал Катю на руки, за исключением тех случаев, когда Юлькина мама сама, навязчиво, мне ее давала в руки со словами: «иди к папе, родная». Тут не откажешь.

И как будто бы ничего не изменилось, но я стал все чаще думать о ней. О Кате. Не об этом непонятном существе в розовой пеленке, а о человеке. Ведь она, по сути, уже несчастна! Она совсем одна. У нее никогда не будет братьев и сестер. Мы с Юлькой никогда не пойдем на это, ни вместе, ни по отдельности. Ее родители не любят друг друга и еще не знают, как относиться к ней. И я снова задаюсь вопросом – а имели ли мы право? Несмотря на всевозможные уговоры мамы, Юлька отказалась кормить Катю грудью. Я не стал вмешиваться, но это меня ошеломило. По моим ощущениям, тем самым, Юлька отказалась быть матерью.

Когда Кате исполнился годик, Юлька привела себя в порядок, восстановилась в университете и зажила прежней жизнью. Забота о ребенке целиком легла на плечи Юлькиной мамы. И меня стало чуть больше в Катиной жизни. Не потому что из нее ушла Юля, а потому что Катя сделала первые неуверенные шаги, научилась весело смеяться и что-то начала понимать. Она стала мне интересна.

Кстати говоря, Катя оказалась красавицей. И со временем мое тихое любование ею, переросло в нечто большее. Я думаю, что это любовь. Любовь светлая и безответственная. Я не сижу с дочерью по ночам, когда она болеет, не встаю по выходным раньше обычного, потому что она уже проснулась. Нет, я никак не преодолеваю себя для нее. Я с ней, когда она светла и весела, сыта и довольна. Я с интересом наблюдаю за ней, играю с ней, но не долго, пока не наскучит. И если Катя начинает капризничать, я просто отдаю ее Юлькиной маме. Я дарю

ей две куклы в год – на новогодний праздник и день рождения. Деланно строжусь за столом, чтобы она аккуратней ела. А еще говорят у нее мои глаза.

И вот, спустя два года я сижу на той самой скамейке, в окружении десятков чужих окон. Смотрю как неподалеку в песочнице играет моя дочь, и мысленно веду диалог с той, любовь к которой так давно пережил. Посмотри на меня, Маша, – говорю я ей, – я, как все: муж, отец, глава семейства. Не усложняю. Все просто и понятно. Так просто оказалась не любить. Когда не любишь – очень просто. Правда, теперь есть Катя, но пока, любовь к ней ничего не усложняет, ни к чему не обязывает. И среди тысяч одинаковых окон ты не узнаешь моего. Так что же? – спрашиваю я ее – это и есть счастье миллионов? Или миллионы за этими окнами так же несчастны как я? Если так, то поздравляю, в нашем полку прибыло – здравствуй, Катя!

Твое плечо, мои печеньки

Весна бликами на мониторе. Она же от белой бумаги бьет по глазам. В ее лучах кружатся пылинки. Открыли окно и она ворвалась.

– Да закройте же окно! Меня продует! – возмутилась я, и для пущей убедительности застегнула пуговицы пиджака, поерзала в кресле.

Окно закрыли, а она стучится. Все, кроме меня, ей улыбаются, ждут не дождутся конца рабочего дня. Выйдут, обнимут ее и под ручку пойдут по домам. Лишь я спрячусь от нее в своем пальто.

Обязательно поговорю сегодня с Колей – пообещала я себе, быстро-быстро идя к машине, чтобы не видеть ее, не вдыхать. А сама бросила сумку и пальто дома, и пошла стучать в дверь напротив.

– Манюш, – взмолилась я, когда Маша открыла мне дверь, – если я сейчас с кем-нибудь не поговорю, я сойду с ума!

– Заходи.

Машу весна не радует. Маша ее не замечает. Маша в себе, а весна снаружи. Поэтому с ней можно говорить.

Маша налила нам чай, светлый, спитый, пододвинула ко мне сахарницу. Забыла дать ложечку. Но мне все равно, я просто хочу говорить.

– У моего Коли есть младший брат Кирюша, – Маша кивнула, знает его. Ее муж Вася рос с ним вместе, во дворе этого самого дома, – ему сейчас двадцать восемь. Он…, он гуляка, балагур, душа компании, в общем, отличный парень! Всю жизнь попадал не в те компании, в дурацкие и опасные истории, а мой Колька вечно его вытаскивал, то денег, куда надо привезет, то поговорит с кем надо. Когда их родители умерли, там печальная история, но это в следующий раз, Коле было тридцать, а Кирюше соответственно двадцать три. Из имущества осталась от родителей наша двушка, дача в два этажа в Славянске – Маша кивнула, знает, где это, – и старенькая лада. Коля спросил – как будем делить? Кирюша, конечно же, сразу вцепился в машину. Возраст! Так дружно и решили – ему машину и дачу, Коле квартиру. Хотя, заметь, Коля предлагал разменять квартиру, но для этого нужно было продать дачу и машину, чтобы на две хватило. Кирюша отказался, говорит – у тебя же семья, тебе квартира нужнее. Мы на тот момент уже были женаты, жили на съемном. Конечно, радости нашей не было придела. Мы переехали, денег подкопили, заняли – сделали ремонт.

– Извини, ты не против? – спросила Маша, когда я сделала паузу чтобы отпить чай. Она кивнула на раковину, заваленную грязной посудой. Она мыла ее до моего прихода. Я кивнула и поспешила продолжить:

– В общем, Кирюша пустился во все тяжкие. Продал большую часть дачного участка соседям, и на эти деньги кутил с друзьями в дачном домике – музыка, девчонки и все такое. Так и спалили они дом. Короче, Кирюша продал оставшийся участок тем же соседям, вложился в бизнес своего друга. И там его толи надули, толи просто дело не пошло, в общем прогорел. А машина уже через год стояла разбитая под нашими окнами. Короче, Кирюша остался не с чем. Но мой Коля, как всегда, – я махнула рукой на Колю – снял ему комнату, устроил на работу в автосервис к своему другу. Как еще не побоялся поручиться?!

На кухню зашла Машина свекровь. Смурная старушка. Я ей кивнула:

– Здрасти.

Она не ответила, взяла что-то из холодильника и вышла. Маша даже не обернулась.

– Продолжай – сказа она мне.

– Короче, нам на удивление Кирюша и, правда, взялся за ум. На работу не опаздывал, стал зарабатывать, сам оплачивал аренду комнаты и вскоре привел к нам знакомиться невесту.

Ну, мы сначала не отнеслись к этому серьезно. Это же Кирилл! Но через месяц после нашего знакомства они расписались. Аня – его теперь уже жена, переехала к нему в комнату. Жили они тихо, скромно, нам не докучали, иногда приходили в гости с тортиком. И через год у них родилась дочка – Ксюша. Из комнаты их попросили съехать. Кирилл нашел недорогой домик на окраине – печку самим топить, удобства во дворе, хорошо хоть свет и вода есть, правда только холодная. И следом родили они еще дочку – Лену.

Маша плавно передвигалась по маленькой кухне, расставляя чистую посуду по местам. Я перевела дыхание и продолжила:

– Вот тут-то все и началось! Нам с Колей сразу стало стыдно за наше благополучие – за квартиру, машину, красивые вещи, рестораны, отпуска. Мы стали все чаще молчать вдвоем. Мучает нас, по сути-то, одно и то же чувство, но вся разница в том, что Коля готов в любую минуту все отдать брату, его детям, и остаться не с чем, а я нет! Я пыталась говорить с ним, мягко убеждала, мол, посуди сам, вы с Кирюшей были в равных условиях, только он все свое промотал, а ты нет. Он сам виноват! Довод конечно отличный, но от него не становится легче. Есть у меня и еще один: я говорю – ну представь себе – разменяемся мы, а потом мы с тобой решим ребенка родить, и что тогда, как ютиться будем? Но мы оба понимаем, что этот довод вообще несостоятельный. И вообще, Коля предлагал же ему свою помощь, а он, видите ли, гордый, да хоть бы о детях подумал! Нарожали, блин, нищету, а нам теперь разбирайся с этим.

Последние слова я произнесла тихо, почти шепотом.

Я, признаться, ждала Машиного осуждения. Но та лишь спросила:

– Почему несостоятелен?

– Кто? – не поняла я.

– Довод про ваших с Колей детей.

– А-а. Да ты знаешь, сначала жилья своего не было – не рожали. Потом появилась квартира, захотелось ремонта, потом пожить в свое удовольствие. Открыли для себя прелесть курортного отдыха. Так и закрутилось. А сейчас уже думаю – куда рожать? Поздно уже.

Маша, разобравшись с посудой, налила себе чай и села напротив. Я устало продолжила:

– Ты знаешь, я бы и рада ненавидеть Кирилла со всем его семейством, но ты бы видела этих девчонок! Сладкие, большеглазые, младшая так вообще уже умничает во всю. Я часто не могу сдержаться – наберу им игрушек, платьишек. А Аня? Аня – тихая, скромная, никогда, ни на что не жалуется. Она ведь, словно, боготворит меня! Смотрит на меня так, как будто я в чем-то лучше нее! Неподдельно восхищается безделушками у меня дома, нарядами, моей стряпней. Я и ее приодеваю, конечно. Говорю – вот себе купила, а мне маленькое оказалось, или помада по цвету не подошла, хотя я для нее и покупала. Это, конечно, не оправдывает меня несколечки… Знаешь, я ведь так не разу у них в доме и не была. А Коля ездил. Приехал угрюмый, мне ничего рассказывать не стал. А я ехать боюсь – боюсь увидеть, как они живут. Боюсь их пожалеть.

Мой монолог был окончен. За окном уже стемнело, а чай остыл. Я поблагодарила Машу за терпение и отправилась домой. Маша осталась за столом допивать свой чай. Она лучшая соседка на свете – всегда займет соли, помоет лестничную площадку и готова открыть мне дверь в любое время дня и ночи.

Взволнованная тем, что впервые рассказала вслух свои тревоги, я села у открытого окна на кухне и стала ждать Колю. Вот подъехала его машина. Он сейчас зайдет в квартиру, снимет верхнюю одежду, разуется, скроется в ванной. Я начну разогревать ужин, накрывать на стол. За ужином поговорим о пустяках, посмотрим телевизор. Потом – он за компьютер, я помою посуду, приму ванную, почитаю перед сном. И когда погасим свет, он придвинется поближе, начнет обнимать меня, ласкать. И на какое-то время мы обманемся, и нам покажется, что все как прежде – мы смотрим друг другу в глаза, наше дыхание сливается, наши тела созданы друг

для друга. А когда он начнет засыпать, я высвобожусь из его объятий, отвернусь, и еще долго буду вглядываться в темноту.

Все утро следующего дня я была под впечатлением своего вчерашнего монолога. Казалось, будто что-то произошло, что-то изменилось, хотя на самом деле я еще больше запуталась. От произнесенного вслух, я казалась себе еще более мелочной и гадкой, а Коля более холодным и отстраненным. Не дожидаясь обеденного перерыва, я вышла из рабочего кабинета и направилась в курилку. Там был мужчина. Я часто видела его среди сотрудников компании, но лично знакома не была, имени его не знала. Я попросила у него сигарету. Он вынул одну из пачки, протянул мне.

– Курите? – поинтересовался.

– Нет, – честно призналась я.

– А я вот регулярно убиваю двух зайцев одним выстрелом.

– Каких еще зайцев? – не поняла я.

– Себя и свое время.

Его шутка мне не понравилась. Но он сам не улыбнулся ей. Это его спасло.

– А это не одно и то же?

– Одно, – согласился он.

Мы молчали. Он не предложил мне подкурить сигарету. Медленно курил свою. Я смотрела в открытое окно. Весна была прекрасна – нежные, нарядные деревья. Мне казалось, я чувствую их запах, хотя меня окутывал лишь запах его сигареты.

Весна побеждала. Ее свежие, юные ростки уже впивались в мое тело, щекотали нервы.

– Мы с мужем живем в просторной двухкомнатной квартире, а его родной брат с женой и двумя маленькими детьми в каком-то съемном клоповнике.

Он кивнул. Я была услышана. Он еще раз медленно затянулся сигаретой и ответил:

– Имеете право.

Ком подступил к горлу, я была готова заплакать. Разве? – хотелось спросить мне. И очень хотелось, чтобы он ответил – да, конечно. Каждый сам за себя. Ты никому нечего не должна!

Я выбросила нетронутую сигарету в урну, и вышла из курилки.

После этого случая, я ненароком начала различать этого мужчину среди прочих сотрудников. Узнала его имя – Вадим. И однажды, к своему крайнему неудовольствию, поняла, что ищу встречи с ним. Я первая с ним здоровалась, с трудом сдерживая улыбку. Как то, сидя дома, перед телевизором, осознала, что думаю о нем. Хуже того – мечтаю! Я разговаривала с ним, шутила, рассказывала, как прошел день… Весна победила.

– Маш, Маша, я схожу с ума!

Маша кивком пригласила меня войти, и шепнула:

–Только тихо, Антонина Петровна сегодня что-то вообще не в духе.

– Да я как мышка… Может ей конфет, а?

– Не поможет.

– А чем задобрить можно?

– Меня из окошка выкинуть.

Я хихикнула, и села на свое любимое место возле окна за столом. Я как всегда пришла не с пустыми руками. Поставила на стол пакет с продуктами, купленный для Маши еще накануне. Маша удивлено вскинула брови.

– Да вот, накупила, а мы-то с Колей целыми днями на работе, ничего не ется. Не пропадать же – начала оправдываться я.

Маша немного смутилась, но с явным удовольствием заглянула в пакет. Вытащила оттуда пакетик с конфетами, остальное убрала в полку. Она налила нам чай, высыпала в вазочку конфеты.

– Даже не знаю, как начать. В общем, есть один мужчина…

– Влюбилась что ли? – спокойно спросила Маша.

Я вздрогнула. Даже оскорбилась.

– Что ты! Я мужа люблю! Просто…– было сложно собраться с духом и я снова спихнула все на весну – понимаешь, на улице весна, хорошо, хочется любви, чего-то нового, светлого! А Коля такой далекий… Да и этот Вадим, не сказать, что он милый и теплый, даже наоборот. То есть я привыкла нравиться мужчинам. Я с ними флиртую, кокетничаю, и мне не совестно, потому что это все не серьезно, потому что я люблю своего мужа. Мне с мужчинами легко. Обычно. А этот… Я с ним робею, он меня даже пугает, но ужасно манит. Ужасно.

Я закрыла лицо руками.

– И главное веду себя как дура! – продолжила я, – подсаживаюсь к нему на обеде, первая заговариваю, а слов подобрать не могу. В курилку эту чертову без конца бегаю, в надежде его там застать. В офисе уже шушукаться начали. В общем, что-то с этим надо делать!

И я сделала. Неожиданно для себя, абсолютно спонтанно. На следующий же день в обеденный перерыв я отвезла свою машину в ближайший автосервис, оставила ее там на внеочередную диагностику и пешком вернулась в офис. По окончанию рабочего дня я стояла у его машины. Пришлось ждать около получаса. Вадим подошел сзади, я его не видела.

– Подвести? – я вздрогнула от неожиданности. Кивнула, забормотала что-то невнятное о своей машине, о ремонте.

Мы сели в его машину, я назвала свой адрес, объяснила, как лучше доехать. В машине было пыльно, не прибрано.

– Все получилось с вашими родственниками?

Было странно, что он вспомнил.

– А-а. Да. То есть, нет. Все без изменений. Не хочу об этом.

Мне было не по себе. Неловко поерзав на кресле, я уставилась в окно. Еще было светло.

– А о чем хотите? – поинтересовался он. Без эмоций, без расположения. Никакого флирта. Это его стратегия? Или это он?

– Не знаю. Музыка, кино, что угодно, – я начинала ругать себя за то, что я здесь, за то, что с ним. Думаю, разговора не получится.

– Моя дочь Катя очень болтлива. Она начинает разговаривать, как только утром открывает глаза и заканчивает, когда ложится спать. И знаете, что меня в этом всем восхищает?

– Что? – глупо спросила я.

– То, что она говорит абсолютно искренне. А значит все сказанное ею – не в пустую. Все о чем она говорит ей искренне интересно. А если ее спросить о том, что ей не интересно, или рассказывать что-то, что ей не интересно, она просто этого не слышит, не замечает. Я люблю смотреть на ее лицо, когда бабушка ее ругает. Долгие нотации, возмущения, а Катя не слышит, абстрагируется, и ведь не специально, оно само собой у нее так выходит, это и восхищает.

Я не смотрела на него. Не хотела видеть, как светится его лицо, когда он говорит о дочери. Оно точно должно было светиться. Хотя его голос оставался по-прежнему ровным и невозмутимым.

– Ну, наверное, только у детей есть такая возможность. А нам приходиться говорить на темы, которые нам не интересны.

– Почему?

– Так устроен мир.

Мы помолчали.

– А если бы у вас была такая возможность быть абсолютно искренним, о чем бы вы говорили?

–Я бы молчал.

– Потому что вам ничего не интересно?

– Потому что то, что мне интересно не требует слов. Я это могу думать.

– Но ведь разговаривать это важно! Это коммуникации, это, в конце концов, удовольствие!

Я повернулась к нему и впервые увидела его улыбку. Я была ему смешна. Боже, как я банальна!

– А как ваша жена относится к вашим взглядам?

Я почему-то ожидала, что вопрос о жене его смутит. Но ничего подобного.

– Никак. Она говорит за двоих.

Долго ехали молча, потом о пустяках. Потом он что-то рассказывал, но мне было не интересно. Я чувствовала себя уставшей и опустошенной. Будто я ждала чего-то необычного от этой поездки, а она меня разочаровала. А чего я собственно ждала?

Машина остановилась, я засуетилась, начала отстегивать ремень, уронила сумочку, подняла.

– Света, вы, чего-то ждете от меня? – спросил он, будто прочитав мои мысли.

Я замерла. Что я должна ему ответить?

– Вы усложняете, и вас становится трудно понять. Если вашу машину завтра не отремонтируют, я могу вас снова отвести домой.

Я кивнула, поблагодарила и как можно скорее выскочила из машины. Я бежала к своему Коле. Далекому и отстраненному, но понятному мне, родному. Только в его силах спасти меня, уберечь от охватившего волнения, от власти чужого мужчины.

Но Коли дома не оказалось, он задерживался на работе. Я постучала к Маше, но она сказала, что не может пригласить меня, свекрови плохо, ждут скорую. Я просидела целый вечер перед телевизором, взволнованная, в смятении.

Еще пару раз он подвозил меня домой. Разговор то не клеился, то я болтала пустое, то он мрачно философствовал. Набравшись смелости, я сказала ему однажды:

– Пригласите меня, Вадим, уже куда-нибудь.

– Приглашаю – тут же ответил он.

Я растерялась:

– Куда?

– Куда-нибудь – усмехнулся он, – а если серьезно, куда хотите?

– На природу – сама не знаю, как я так быстро нашлась – весна же! – пояснила я, снова считаю повинной ее во всем.

– Тогда завтра. Позвоните, как соберетесь.

С тем и разошлись. Я не сразу отправилась домой. Зашла в супермаркет. Я долго выбирала вино для завтрашней встречи. Я точно знала, зачем я его покупаю, но об этом отказывалась говорить с собой. Просто захвачу вина. Дома я наспех поужинала и надолго закрылась в ванной. Я приводила себя в порядок тщательнее, чем обычно. Главное не думать, не размышлять, не анализировать. Просто маска для лица, просто гладкие ноги, вот и новый шампунь, пахнет хорошо, попробуем…Коля пришел, когда я уже легла.

Утром, а это была суббота, я встала рано, без будильника. И снова долго прихорашивалась. Коля еще спал. Я уложила волосы, накрасилась, тщательно выбрала одежду, и последний штрих – надушилась своими особенными духами, мне их Коля подарил на нашу последнюю годовщину. Вышла из дома, у выхода из подъезда вспомнила, что забыла вино и вернулась. На цыпочках пробралась на кухню. Уже с бутылкой в руках столкнулась в коридоре с Колей. Его появление меня ужасно разозлило.

– Где ты был вчера? – грубо спросила я.

– На работе.

– А чего не остался там ночевать?

Я легонько оттолкнула его, и прошла к входной двери. У подъезда я опустилась на лавку и достала телефон.

Вдруг мне стало очень страшно. Я не хотела звонить ему. Не хотела неловкого молчания, неуклюжей игры слов. Я не хотела угрызений совести. Вот если бы Коля отвез меня в прекрасное место, где горы, закат и свежий воздух. Налил бы вина и обнял. Я бы прожила так свое столетие, не шелохнувшись. Может я просто хочу тишины и покоя, может я просто хочу свободы? Нужен ли мне Вадим для этого? И вообще, кто мне нужен?

Я поднялась в квартиру. Коля сидел на кухне с чашкой чая. Он все это время смотрел на меня в окно. Я стояла в дверях кухни с бутылкой вина в руке.

– У меня есть отличная идея, давай проведем чудесный выходной вдвоем! – начала я, улыбнувшись ему.

Но Коля меня перебил:

– Я изменил тебе, Света – он не смотрел на меня. Смотрел на пустую скамью у подъезда, – не выдержал напряжения.

Я замерла. Прислушалась к себе. Ничего внятного. Я не хочу кричать и бить посуду, не хочу плакать и проклинать, не хочу его прощать.

Я, молча, развернулась и направилась в квартиру напротив.

– Мой, случайно, не с тобой согрешил? – спросила я, когда Маша открыла дверь.

– Нет, – ответила она, заспанная и взъерошенная.

– Отлично.

Маша жестом пригласила войти.

– А Антонина, как там ее?, где? – поинтересовалась я, проходя на кухню.

– Петровна. Сегодня еще не выходила из комнаты.

– А она там не того? – я многозначительно кивнула в сторону спальни.

– А черт ее знает – отмахнулась Маша.

– А я не одна – улыбнулась я.

Маша удивлено вскинула брови. Я поставила на стол злосчастную бутылку вина. Не выпила ее с Вадимом, не выпила с Колей, может с Машей выйдет.

– Будешь? – на всякий случай поинтересовалась я.

Маша даже улыбнулась:

– С удовольствием. Я люблю вино, давно его не пила.

– Ага, с твоей-то не забалуешь – я имела ввиду свекровь.

Хотя на самом деле у Маши просто не было денег на такие излишества. Они со свекровью жили на ее маленькую учительскую зарплату.

Маша разлила вино по чайным кружечкам и достала из полки банку маслин, из тех запасов, которые я приносила ей в прошлый раз.

Мы сделали по глотку. Вино было великолепным.

– Говорю, хорошо, что не с тобой! А то и пошушукаться было бы не с кем.

– Или наоборот, было бы, что обсудить, – Маша улыбнулась, что редко бывает. Это все вино. Она пила с таким удовольствием, что на нее было приятно смотреть.

– И то верно, – мы стукнулись чашечками, – не выдержал, видите ли, напряжения! А я выдержала! – с гордостью заявила я.

Немного помолчали.

– Как хорошо, что это оказалась не я! Как бы я с этим жила? Я бы все еще сильнее запутала. Только сейчас понимаю, насколько была глупа. Фуф… меня прямо отпустило, и Вадим этот больше не нужен…

Мне, правда, стало очень легко. Хорошо было у Маши на кухни. Бедно, но чисто. Надо что-то с Машей делать, как то вытаскивать ее из этого добровольного рабства. Хорошо было за чашечкой хорошего вина подумать о чужих проблемах, о чужой неудавшейся жизни.

– А что теперь с Колей? – спросила Маша.

Я долго непонимающе смотрела на нее.

– Ты его простишь?

– А про Колю то я и забыла…

Я с таким удовольствием упивалась собственным превосходством, своей верностью, что и забыла, что любимый муж меня предал.

Я встала из-за стола.

– Пойду к мужу.

Маша не стала провожать меня до двери, осталась медленно подтягивать вино.

Коля сидел на диване перед выключенным телевизором. Я встала рядом с ним. Думаю, он недавно плакал. Он выглядел жалко. Было неприятно на него смотреть.

– Коль, – позвала я.

Он не поднимал на меня лица. Я села на подлокотник и положила руку ему на плечо.

– Да ну эту квартиру, – начала я – давай ее разменяем. Купим им однокомнатную. А сами займем денег, кредит возьмем или ограбим кого-нибудь, если надо, и купим домик. Маленький, уютный. Яблоньки там, березки. Нам не много надо. А?

Коля молчал. Он повернул лицо и поцеловал мою руку. Я погладила его по голове и ушла в спальню. Там смела вещи с полок шифоньера на пол. Он быстро опустел. На полу лежала большая куча тряпья. Обратно вещи я складывала медленно и аккуратно. Хлопнула входная дверь. Коля ушел. Пришел поздно ночью, я уже спала. Он лег на диване.

А утром я позвонила на работу, отпросилась на целый день. Собрала вещи и ушла от Коли. Вышла из подъезда и увидела Машу. Та развешивала постиранное белье. Я улыбнулась ей. Она мне в ответ.

Пыльно, душно, но ждать можно

Вася о своей маме знал немного. Больше о ней не знал. Не знал, где она родилась, и как прошло ее детство, как познакомилась с мужчиной, от которого его – Васю родила, и куда потом он – этот мужчина, делся. Казалось, что до Васи Антонина Петровна и не жила вовсе. И так казалось не только Васе, но и мне, и даже самой Антонине Петровне. Она родила его уже за тридцать, осознанно и планомерно. Статусом матери-одиночки всегда гордилась, говорила об этом часто и многим.

Из Васиных рассказов я поняла, какой насыщенной была ее жизнь, когда ее жизнью было Васино детство. Во-первых, она много работала, чтобы ее Вася был вкусно накормлен и хорошо одет. Во-вторых, принимала самое активное участие в его социальной жизни – огрызалась с уличными мальчишками и бранилась с воспитателями в детском саду; потом были школьные учителя – одних она ругала, других одаривала. Также она делала подарки девочкам, которые нравились Васе, рассказывала их матерям о талантах и перспективах сына.

Но к ее глубочайшему сожалению Вася становился все старше и все самостоятельнее. Он стал бороться за свою независимость. В первую очередь он запретил матери появляться в школе. Стал сам выбирать себе одежду, и часто приходил домой за полночь. Но самым сложным стал вопрос о дальнейшем обучении после школы. Вася не хотел учиться вообще. Он хотел поскорее начать зарабатывать деньги. И в ход пошли материнские слезы. Когда они не помогли, Антонина Петровна впервые повысила на сына голос – она кричала, топала ногами, грозила оставить его без квартиры, пророчила ужасное, голодное будущее. Все это не произвело на Васю никакого впечатления, за исключением одного, последнего и неожиданного довода матери. Она пообещала купить ему машину. Так Вася стал студентом политехнического университета с личным авто, а Антонина Петровна осталась без копейки за душой еще и в долгах. Правда Вася больше времени проводил на парковке университета у своей машины, чем в его аудиториях, но мать все равно была счастлива.

Вася кое-как окончил университет, нашел работу и даже с первой зарплаты купил матери микроволновую печь. Антонина Петровна не могла налюбоваться на сына! Но как когда-то привязанность к матери сменилась борьбой за независимость, так борьба сменилась полнейшим равнодушием. Он просто ее не замечал. А Антонина Петровна подслушивала его телефонные разговоры, домысливала сказанное в них, следила за сыном из окна квартиры, и жила иллюзией, что, как и прежде является неотъемлемой частью его жизни.

И, конечно же, мое появление в их доме стало для нее ударом. Вася сказал с порога: «Мам, – это Маша, мы с ней расписались», и занес мои чемоданы. Антонина Петровна брезгливо окинула взглядом чемоданы и ушла на кухню. С этого момента она жила с глубочайшей обидой на сына в душе. Не спросил, не посоветовался, привел, живите с нею! А кто она такая? И Антонина Петровна всячески демонстрировала, что я для нее «никто». Она не обращалась ко мне напрямую, только через Васю. Ни разу не назвала меня по имени. Говорила сыну – «твоя» или «эта». Васю все это ужасно забавляло, подсмеиваясь, он говорил – «Маша, мам, ее зовут Маша».

Но, честное слово, я не обижалась на строптивую старушку! Я любила своего Васю. Мы жили за закрытыми дверями нашей маленькой спаленки – подолгу не вылезали из постели, он часто дарил мне шоколад, мы много смеялись, смотрели кино. Это был мой рай. Мне не хватало лишь одного – я очень хотела детей, о чем Васе часто говорила. На что он, обычно, отвечал: «Погоди, Марусь, сейчас немного разбогатеем и нарожаем целую футбольную команду». И я ждала.

Был даже недолгий период, когда свекровь, как будто, ко мне подобрела. Она стала иногда со мной разговаривать, рассказывала о Васиных детских годах, о днях своей беременности.

Но я быстро догадалась, что Антонина Петровна решила для себя, что у меня имеются проблемы с деторождением. И в ней заиграло тихое торжество. Показывая мне Васины детские фотографии, она, не скрывая, упивалась чувством своего женского превосходства. Но длилось это недолго, вскоре она снова перестала говорить со мной. И к ее нелюбви ко мне прибавилось искреннее убеждение в моей неполноценности.

Так мы прожили около года. Вася все старался разбогатеть, менял работу одну за другой, пытался открыть свое дело, но все как-то не срасталось. Я преподавала в школе, по вечерам готовилась к предстоящим занятиям, читала, а Антонина Петровна недовольно гремела кастрюлями на кухне, шаркала тапочками по старому линолеуму.

И однажды Вася не пришел с работы домой. Мы ждали час, два, три. Потом сидя в разных комнатах, наперебой звонили ему. Телефон был отключен. Я обзвонила, друзей, знакомых, коллег. На работе сказали, что его там не было с утра. Антонина Петровна обзвонила родственников, что тоже ничего не прояснило. И когда ожидание и тревога стали невыносимы, мы вышли на кухню. Наверное, впервые за этот год посмотрели друг другу в глаза. Потом оделись и вышли на улицу. Постояли на том месте, где обычно Вася оставляет свою машину.

– В полицию? – спросила я.

Антонина Петровна зашагала вперед.

Обращение в ближайшее отделение также ничего не дало. Сказали ждать три дня. Мы вернулись домой. Я скрылась за дверью нашей спальни. Это была бессонная ночь. Через три дня в полиции у нас приняли заявление о пропаже человека.

В страхе и ожидании мучительно долго тянулись часы, дни, недели. Прошел месяц, два, три. Мы жили тихо, мы жили молча, мы жили затаив дыхание, каждая в своем углу. Вздрагивали от каждого телефонного звонка. Но он не пришел.

Нервы начинали сдавать. Антонина Петровна все чаще начала говорить с собой обо мне, бубнить себе под нос, типа: «расселась здесь», «посмотри какая, нашлась мне тут» или «ишь какая криворукая». А потом все чаще стала ругать меня вслух, оскорбляла. И каждый ее выпад неизменно кончался словами: «ты никогда не любила моего сына!» Не знаю с чего она это взяла, но то, что она винила меня в Васином отсутствии – это было очевидно. Теперь Васи не было рядом, и ей нужно было ко мне хоть как-то обращаться, она стала звать меня «змеей». Иногда мне казалось, что старушка совсем тронулась умом.

Она по-прежнему делала всю работу по дому. Особенно яро охраняла от меня свои кастрюли. На кухне я могла лишь кушать, даже мыть посуду мне не было позволено.

– Ну что встала тут, змея? Сейчас поразбиваешь не свое.

И мыла сама, приговаривая:

– Даже тарелку помыть за собой не может, засранка.

При всем при этом, приготовленное ею было обязательно к употреблению. Она готовила обед, ела сама, потом стучала в мою дверь, если я была дома, со словами: «иди ешь, змеюга». На кухне меня ждала моя порция, прибор и два куска хлеба. Если бы от Васи остался ей котенок, она с таким же рвением не давала бы ему помереть с голоду. Но, к сожалению, осталась я. И по аналогии с тем же котенком – она ни разу не пыталась вышвырнуть меня за дверь. Хотя иногда с трудом сдерживалась. Но я ей словно залог. Вася придет и ей будет что предъявить. Уж она ему на меня нажалуется!

А мне осталась она, и я ее терпела. Но признаюсь без особого труда. Мне было не обидно, и не больно. Мне было неважно. Потому что я просто ждала. Ждала, стиснув зубы и зажмурив глаза. Все мои силы уходили на то, чтобы не пускать в себя страх и отчаяние. Но они то и дело смотрели на меня из темноты ночи, и я задергивала шторы. Лились цветным светом с экрана телевизора, и я тут же его выключала. Поджидали меня меж книжных строк, и я совсем перестала читать. Днем я ждала наступления ночи, ночью ждала утра. Пусть время бежит, пусть мчится до того момента, когда он придет. А там пусть остановится хоть навсегда!

Прошел год. Антонина Петровна продолжала ждать своего сына, но перестала верить в его возвращение. Она легла на диван и отвернулась от включенного телевизора. Она перестала готовить и убирать, лишь изредка поливала любимую герань. Редко выходила из дома. Запретила родственникам звонить и приезжать. И совсем перестала злословить в мой адрес. И когда я предложила ей перебраться в нашу с Васей комнату, она кинула на меня безразличный взгляд и перенесла свою герань на подоконник в спальне. А я перенесла свои вещи в общую комнату и взяла на себя всю работу по дому. Теперь я стучала в ее дверь со словами «идите кушать».

И в моем ожидании Васи настал новый период. Я потеряла себя. Кто я? – Маша. Что я делаю? – Жду. Это все, что было обо мне. У меня не было своего угла. Общая комната, в которой я теперь жила, была вся пропитана запахом старухи. Всюду старая мебель, на стенах выцветшие обои, тусклый свет из маленького окна.

Однажды после моего «идите кушать», старуха не вышла из спальни. Я ждала полчаса, потом еще немного, потом без стука вошла. Она лежала на кровати без сознания. Я вызвала скорую помощь, и в ожидании села в ноги к старухе. Я смотрела на ее бледное лицо и не испытывала ни ненависти, ни отвращения. Она мне безразлична.

– Но я не дам тебе умереть, вредная старуха – сказала я ей, – хоть сына дождись, бессовестная. Да и родственнички твои пусть ядом еще позахлебываются подольше – бормотала я абсолютно беззлобно.

Про родственников я не просто так упомянула. Как-то раз, в разговоре, между делом, моя соседка Света заметила:

– А ты знаешь, что если твоя Антонина, как ее там?, помрет, ты никаких прав на квартиру не имеешь? Только если она тебе ее сама не подпишет.

– Нет, – ответила я.

Я этого не знала. Потому что я об этом не думала. Зато теперь я поняла, почему ее многочисленные родственники так резко изменили ко мне отношение. Думали, живу, ублажаю старушку, чтобы квартиру мне подписала, а они бы не с чем остались.

Скорая приехала быстро. Забрали ее в больницу. У старухи оказался сахарный диабет. Не знаю, как долго она с ним жила, и знала ли о нем сама.

Через три дня я забрала ее из больницы, вместе с огромным списком лекарств. Оставив Антонину Петровну в родных стенах, я пошла в аптеку у дома. Фармацевт посчитала мне общую стоимость лекарств. Вышло около моей месячной зарплаты. Конечно же, таких денег у меня не было. Весь мой скромный учительский заработок уходил на оплату коммунальных услуг и достаточно скудное пропитание. Куда она девала свою пенсию я не знала, может прятала под матрац. Я никогда не задавалась этим вопросом.

В общем, все, что мне удалось придумать – это позвонить Свете. Света – моя бывшая соседка. Света ушла от мужа и теперь не живет в нашем доме. Но у меня есть ее номер телефона. Думаю для нее это не такие большие деньги.

– Привет, Света.

– Машка, это ты? Как давно не виделись! Как ты? Я даже соскучилась!

– Мне нужны деньги.

– Что-то случилось? С Антониной, как ее там…?

– Да, нужно не очень много.

– Эмм… Как бы сделать? Может, ты приедешь, и на месте разберемся?

– Говори адрес.

Я обшарила свои карманы – денег хватало на проезд в трамвае, в оба конца, и еще даже немного оставалось. По пути на остановку, зашла в магазин и купила плитку шоколада в подарок.

Света снимала квартиру в высоченной многоэтажке нового микрорайона. Я поднялась на лифте на восьмой этаж и постучала в дверь. Света, вся сияющая, радостная открыла мне.

Она была хороша – в красивом коротком платье, с хорошо уложенными волосами. С порога защебетала, как мне рада. Не успела я разуться, как она подхватила меня под руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.